

СЕЛО ЛЫСКОВО.

въ нижегородскомъ Приволжьи.

«Противъ Макарьева село Лысково съ пристанью, на которую свозится зерновой хлѣбъ въ огромномъ количествѣ.» *

Всесобщицей географіи учебная книга.
А. Ободовскаго.

Макарьевская сторона нижегородскаго Приволжья раздѣляется Волгой на двѣ неравныя половины: на горную, такъ назыв. Горы, и луговую, заволжскую или Заволжье. Въ Горахъ, тамъ гдѣ Волга, устремля свои воды на юго-востокъ, вдругъ круто бросается на сѣверо-востокъ, лежитъ, при рѣчкахъ Сундовикѣ и Валавѣ, знаменитое село Лысково, давно уже перепоголовившее свой несчастный уѣздный городъ Макарьевъ, убогосъезжившійся на противоположной луговой сторонѣ Волги и съ самаго своего дня рожденія завистливо поглядывающій и на хлѣбные амбары лысковскіе, и на богатія церкви его, и на все мужицкое превосходство передъ нимъ Лыскова.

Въ отдаленной древности лысковская сторона, какъ и вообще почти вся теперешняя Нижегородская губернія, была заселена мордвою ¹⁾. Русское населеніе является на лысковскихъ и лежащихъ противъ нихъ керженскихъ берегахъ ²⁾ не ранѣе XIV столѣтія,

¹⁾ Мордвы всѣхъ трехъ племенъ (терсоханъ, мокшанъ и эрзянъ) снѣж-мордва здѣсь замѣтно русѣеть.

²⁾ Рѣка Керженецъ, знаменитая въ исторіи раскола,

когда великій князь суздальско-нижегородскій Константинъ Васильевичъ прогналъ мордву отъ береговъ Волги, и на разоренныхъ мордовскихъ жилищахъ поселилъ русскихъ людей.

Недалеко отъ насъ еще то время, когда Волга славилась своими разбоями, когда съ легкой руки новгородскихъ укшуйниковъ, плавали по ней удалые ребята, эта грозная для торговыхъ людей и слабого еще тогда государства вольница, представители которой, возвышавшіе подвиги свои до поэзіи, говорили о себѣ:

А мы вовсе то не воры, не разбойники,
Стеньки Разина мы вольные работники.
Люди добрые, удалые ребята поволжскіе.

Какъ недалеко еще отъ насъ время волжскихъ разбоевъ, хотя громившихъ страну уже далеко не въ размѣрахъ XV, XVI столѣтій, видно изъ рассказовъ графа Толстого ¹⁾, такъ, что окончательное исчезновеніе удалыхъ съ Волги можно положить только съ того времени, какъ тутъ показалась первая полоска могучаго бѣлаго пара, т. е. съ зачатка развитія волжскаго пароходства ²⁾.

Волгу съ лѣвой стороны (керже по мордовски значить лѣвой), почти противъ Лыскова, немного выше города Макарьева. Извѣстная волжская пѣсня говоритъ о Керженцѣ:

Какъ повыше было села Лыскова,
Какъ пониже было села Юркина,
Протекала тутъ рѣка быстрая,
Омутистая, зовуть Керженецъ.

¹⁾ Я помню даже весьма недавній случай въ одной изъ приволжскихъ губерній, что мальчишка 18-ти лѣтъ съ товарищами почти въ тѣ же годы, грабилъ и злодѣйствовалъ, называя себя племянникомъ Стеньки Разина. („Заволжскіе очерки“, графа Н. С. Толстого М. 1857).

²⁾ Впервые появился на Волгѣ пароходъ г. Берда, въ 1815 году; затѣмъ Волга чуть не увидала пара съ 1817 году, когда уральскій богачъ Всеволожскій устроилъ, для собственной потѣхи, пароходъ на своемъ заводѣ Пожвъ, и спустилъ его на Каму, при громѣ хора музыкантовъ; пароходъ этотъ однако даже до Казани не дошелъ. Въ 1821 году появилось на Волгѣ еще 2—3 парохода, но собственно начало развитія волжскаго пароходства слѣдуетъ считать съ 1846 года, съ этого времени оно дѣлается дѣйствительною громадною силою въ экономической жизни народа. Въ настоящее время плаваетъ по Волгѣ болѣе 500 пароходовъ. („Нижегородскій Сборникъ“, томъ III; статья г. Игнатьева „О пароходствѣ на Волгѣ и ея притокахъ“).

Въ этихъ волжскихъ погромахъ, не разбивавшихъ ни государевыхъ, ни торговыхъ струговъ, не малую долю участія принимало и Лысково, которое и само высылало на Волгу своихъ ребятъ, и укрывало у себя, въ случаѣ надобности, саратовскихъ и другихъ низовыхъ удалцовъ, и вообще было всегда въ самыхъ сердечныхъ сношеніяхъ съ голытьбою, также какъ и сосѣднія съ нимъ приволжскія селенія—Татинець ¹⁾, Слосинець, Юркино, Великій Врагъ, Безводное, Рабитки и другія, искони бывшія привилегированными разбойничьими притонами.

Когда передовыя ватаги Степана Разина появились въ здѣшнихъ мѣстахъ, все Поволжье стало за него, и первые—Лысково и Мурашкино; Лысково встрѣтило разинцевъ съ колокольнымъ звономъ, съ крестнымъ ходомъ и съ иконами; впереди лысковцевъ шли навстрѣчу имъ священники и пѣли молебенъ за здравіе Степана Тимофѣевича Разина ²⁾, Одинъ только макарьевскій желтоводскій монастырь, это „государство богомолье“ былъ за царя и Москву ³⁾

1) На Волгѣ и нынѣ говорятъ: «Татинець, да Слосинець—всѣмъ ворами кормилецъ.»

2) Слабость лысковцевъ къ Разину выражается даже существованіемъ въ настоящее время между ними нѣсколькихъ фамилій Разиныхъ; я самъ знаю въ Лысковѣ одного Разина, занимающагося, конечно, не разбоемъ, а мирнымъ извозомъ между Лысковымъ и Исадами, во время навигацій.

3) Такъ сказать, легетимистскія убѣжденія монастыря, конечно, объясняются очень естественно: монастырь, по самой своей сущности, есть уже казенное заведеніе „строеіе государево“; ему предоставлены были значительныя выгоды отъ происходившей у самыхъ стѣнъ его знаменитой ярмарки; онъ не платилъ Москвѣ тяжельхъ для сосѣдей его пошлинъ, онъ имѣлъ друзей въ Москвѣ. Вотъ почему, осажденный „ворами“ Степана Разина, подъ предводительствомъ атамана Максима Осипова, онъ упорно защищался и вступалъ съ разинцами, подъ руководствомъ архимандрита Похомія, въ кровавый бой до того, что многіе иноки носили на лицахъ „боевые знамена“, и только особой грамотой патріарха были прощены за кровопролитіе и разрѣшены на совершеніе безкровной жертвы. Держась до послѣдней крайности, монахи наконецъ ушли тайкомъ въ сосѣдніе лѣса и монастырь былъ осаждавшими разграбленъ. „И начаша—говорить“ Сказаніе о нашествіи на обитель преподобнаго отца нашего Макарія желтоводскаго, бывшемъ отъ воровъ и измѣнниковъ воровскихъ казаковъ—монастырь разоряти, денежную казну брати и всякую рухлядь расхищати, келій братнія

Разбой на Волги начались, на памяти исторіи какъ сказано, съ легкой руки новгородскихъ удалцевъ, выѣзжавшихъ на Волгу на своихъ укъсуяхъ (ладьяхъ) за славою, добромъ и потѣхой. Послѣ паденія великаго Новгорода Москва распорядилась по своему: на земли новгородскія пошли жить стародавніе московскіе люди изъ разныхъ волостей, а новгородцевъ поселили на Поволжье, отъ Костромы до Василя ¹⁾. И до сихъ поръ сохранились въ нижегородскомъ Поволжьи новгородскія преданія, новгородское обличье, новгородскій говоръ (особенно сильно въ балахнинскомъ Усольтѣ); вмѣстѣ съ тѣмъ сохранился здѣсь и старшій вольный духъ новгородскій. Къ свидѣтельству объ этомъ г Мельникова, прибавлю, что даже въ относительно далекомъ отъ Волги костромскомъ Ветлужьи, въ такъ называемой Уреньщинѣ (село Урень, и около 20 окружающихъ его населеній, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ Уреньщины, находится въ Варнавинскомъ уѣздѣ Костромской губерніи, на границѣ его съ Макарьевскимъ Нижегородской) и до сихъ поръ живетъ въ населеніи ея происходящемъ отъ новгородцевъ, этотъ могучій новгородскій духъ: они рѣзко отличаются отъ своихъ сосѣдей и своими внѣшними качествами, и своимъ характеромъ; замѣчательно при этомъ, что въ числѣ ихъ нѣтъ не только нищихъ, но даже и особенно бѣдныхъ.

Если новгородскій духъ не совсѣмъ вымеръ, не совсѣмъ сломанъ въ нижегородскомъ Приволжьи и по настоящее время, то понятно, какъ силенъ онъ былъ здѣсь въ старину, понятно, что здѣсь всегда были готовы матеріалы для сопротивленія ненавистой Поволжью Москвѣ. Вотъ почему лысковско-керженская сторона послужила благопріятной почвой и для раскола: въ окрест-

---

истоцища, дворянскихъ и купецкихъ людей поклады въ конецъ расхитища, оставшемъ же ту братьямъ и служебникамъ велие озлобленіе твоорища, на оупакъ рудъ вѣзаша, мечи стращаша и на плахи ко безглавию полагаху; обаче помощію божіею крове неповинныя пролити пресѣченіемъ не дерзнуша.“

¹ Приводимыя здѣсь историческія свѣдѣнія заимствованы изъ статьи П. И. Мельникова (см. „Иллюстрацію“ за 1861 годъ), такъ много сдѣлавшаго по исторіи нижегородской стороны.

ностях Лыскова родились и воспитались первые основатели раскола; тут же родился и воспитался (въ селѣ Вельдемановъ) и Никонъ, патріархъ московскій; керженскіе скиты прогремѣли на всю русскую землю, и не смотря на ихъ оффиціальное уничтоженіе уже на нашихъ глазахъ, живутъ почти въ каждомъ жителѣ Семеновскаго уѣзда.

Исторически извѣстно Лысково съ XV столѣтія, такъ какъ въ лѣтописяхъ оно упоминается въ первый разъ подъ 1412 годомъ ¹⁾, Въ 1392 году отнялъ Нижній-Новгородъ у великаго князя Бориса Константиновича московскій великій князь Василій Дмитровичъ; но суздальско-нижегородскіе князья, вѣчные отчаяннѣе противники Москвы и ея „собирателей земли русской“, не имѣли ни малѣйшаго желанія склонять голову передъ Москвой. Сынъ Бориса Константиновича Даниилъ Борисовичъ успѣлъ выхлопатать себѣ у хана Золотой Орды Зелени-султана сына Тохтамыша, при помощи недруга московскаго великаго князя Витовта литовскаго, ярлыкъ на Нижній, и собравши войско въ Болгаріи, пошелъ отнимать у Василя Дмитріевича Нижній, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Иваномъ Тугимъ-Лукомъ 15 января 1412 года онъ встрѣтился съ московскимъ войскомъ у Лыскова, разбилъ его, овладѣлъ Нижнимъ и даже проникъ далѣе, до Владимира, которой былъ имъ совершенно разрушенъ.

Спустя слѣдующее столѣтіе подъ Лысковымъ разыгрался историческій курьезъ: въ одну изъ войнъ Москвы съ Казанью храбрая московская рать, погнавшись за татарами, разграбившими передъ тѣмъ Нижній и Балахну, настигла ихъ 15 января 1536 года у Лыскова, ночью. Оба войска остановились другъ передъ другомъ въ боевомъ порядкѣ; ночь была темная, огней ни та, ни другая сторона не разводила. На разсвѣтѣ московская рать не увидала казанской, казанская — московской: струсивъ другъ друга, мужественные воители разбѣжались по добру, по здорову. Этимъ потѣшнымъ случаемъ и покончилась война на этотъ разъ.

¹⁾ На мѣстѣ Лыскова стоялъ городъ Сундавить, имя котораго нѣсколько сохранилось въ названіи р. Сундовика. („Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи“, томъ III, стр. 112).

Во время казанских войнъ въ Лысковѣ построена была крѣпость на Оленьей горѣ. Остатки ея — валь и ровъ — видны и до сихъ поръ, покрытыя теперь вѣковыми соснами ¹⁾. Оленья гора, отдѣленная отъ Лыскова рѣчкою Сундовикою, впадающею въ Волгу ²⁾, возвышаясь среди ровной мѣстности, видна далеко съ Волги, если „бѣжать“ ³⁾ сверху и представляетъ очень красивый видъ. Вообще нельзя равнодушно подѣзжать къ этой мѣстности: помимо историческихъ воспоминаній, которыя она возбуждаетъ, она сама по себѣ, вслѣдствіе природныхъ условій и отпечатка, положеннаго на нихъ человекомъ, крайне величественна и красива. Съ лѣвой стороны взоръ теряется въ далекой туманной синевѣ лугового низкаго берега, останавливаясь на изгибѣ Волги, на древнемъ макарьевскомъ желтоводскомъ монастырѣ; на право взоръ упирается въ высокій, покрытый зеленью берегъ, дѣлающій почти вслѣдъ за Лысковымъ и Исдами ⁴⁾ крутой поворотъ, а выше,

---

¹⁾ Земляной валь этой крѣпости, по писцовымъ книгамъ 1681 года, имѣлъ 1005 сажень безъ четверти въ окружности; внутри вала былъ дубовый и частью сосновый острогъ, въ 10 сажень вышины, съ башнею, которая, во время составленія писцовыхъ книгъ, уже сгнила; во кругъ острога тянулся тынъ; въ это время крѣпость была уже совершенно заброшена и съ тѣхъ поръ не играла никакой роли, даже во время Степана Разина. Изъ писцовыхъ книгъ 1624—1626 гг. видно, что внутри вала расположена была деревенька Оленья Гора, жители которой однако въ половинѣ XVII ст. выселились въ Лысково, потому что часто подвергались нападеніямъ волжскихъ разбойниковъ.

²⁾ Волга текла лѣтъ 200 тому назадъ у самаго Лыскова, но съ тѣхъ поръ, мало по малу отдаляясь къ лѣвому берегу, ушла къ самому г. Макарьеву. Это явленіе замѣтно на Волгѣ во многихъ мѣстахъ. Подмываемый лѣвый берегъ Волга грозитъ погибелью Макарьеву, каждую весну затопляемому до того, что необитаемые нижніе этажи домовъ строятся именно для того, чтобы перебираться весною въ верхніе; сообщеніе въ это время по улицамъ производится въ лодкахъ. Вѣроятно постоянное подмываніе берега было одною изъ причинъ, что въ понедѣльникъ на пасхѣ 1859 года, ровно черезъ 200 лѣтъ по постройкѣ въ макарьевскомъ монастырѣ собора (1659 г.), провалился весь средній куполь его. Въ настоящее время монастырь упраздненъ, съ 23 января 1868 года.

³⁾ На Волгѣ говорятъ вмѣсто плыть — бѣжать: я бѣжалъ на парохѣ, пароходъ бѣжить, и т. д.

⁴⁾ Село Исды, названіе котораго происходитъ вѣроятно отъ множества садовъ его, расположенное ниже Лыскова версты на двѣ, на самомъ берегу Волги, по скату обращенной на поддень горы, было преж-

тамъ гдѣ расположено Лысково, понижающійся почти до поверхности Волги, — Лысково лежитъ въ котловинѣ между Оленьей горой съ одной стороны и Лысой горой или Лыской съ другой.

Принадлежа въ старину въ числу дворцовыхъ имѣній, Лысково было подарено въ половинѣ XVII столѣтія царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ дядкѣ и свояку государеву Борису Ивановичу Морозову, которому въ то время принадлежала чуть не десятая часть нынѣшней Нижегородской губерніи. Вскорѣ, однако, за немѣніемъ наслѣдниковъ изъ рода Морозовыхъ, Лысково съ селами, деревнями взято было на государя, какъ выморочное, и затѣмъ, во время двоецарствія Ивана и Петра, подарено выѣхавшему въ Россію карталинскому царю Арчилѣ Вахтагъевичу, извѣстному въ магометанствѣ подъ именемъ Шахъ-Назаръ-Хана (въ 1686 году). По пресѣченіи рода Арчила, Лысково снова поступило въ число дворцовыхъ волостей, но въ 1724 году было пожаловано Петромъ Великимъ другому закавказскому выходцу царю карталинскому (грузинскому) Бакару Вахтагъевичу, и было время, когда владѣльцы Лыскова, живавшіе большею частью въ Москвѣ ¹⁾, управляли имъ посредствомъ своихъ вѣязей, которымъ они посылали указы, и манифесты для объявленія лысковцамъ. Последнимъ изъ рода лысковскихъ царей грузинскихъ былъ князь Егоръ Александровичъ Грузинскій, или какъ его звали въ народѣ „князь Егорка.“ Этотъ князь Егорка, умершій въ Лысковѣ въ 1852 году, пользовался, въ продолженіи своей девяностолѣтней жизни, большою популярностью у окрестнаго населенія: когда въ 1810 и 1811 годахъ появился у терюшевской мордвы „богъ Кузька,“ сосланный въ сибирскіе рудники, то терю-

---

де монастырской слободкой; здѣсь была архиѡдионовская пустынь, упраздненная въ 1764 году, при учрежденіи монастырскихъ штатовъ. Въ Исадахъ останавливались макарьевскіе монахи, часто имѣвшіе надобность отпрапляться на правый берегъ Волги, и по своей враждѣ съ лысковцами, не останавливавшіеся у нихъ. Въ настоящее время исадскіе жители занимаются судостроеніемъ, хлѣбной торговлей, рыболовствомъ и садоводствомъ.

¹⁾ Въ Москвѣ цѣлая часть ея—Грузины—была названа грузинскими выходцами.

хане не хотѣли признать его богомъ, говоря, какъ это видно изъ слѣдственнаго дѣла, что „это будетъ обидно князю Егорѣ; что лучше быть богомъ князю Егорѣ, чѣмъ Кузькѣ.“ Князь Е. А. Грузинскій жилъ постоянно въ Лысковѣ и былъ въ свое время и въ своемъ родѣ очень замѣчательнымъ человѣкомъ. Онъ былъ чуть не 10 разъ нижегородскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, увеличивалъ народонаселеніе Лыскова широкимъ приемомъ въ него различныхъ бѣглыхъ, считался умершимъ съ 1797 по 1801 годъ, радѣлъ усердно о церковномъ благоустройствѣ села, самъ пѣвалъ на клиросѣ, переманивалъ въ свои церкви со всѣхъ сторонъ громогласныхъ протодиаконовъ и вообще представлялъ своей особой извѣстный изъ сочиненій С. Т. Аксакова „Семейная Хроника“ и П. И. Мельникова, „Старые годы“ деспотическій типъ русскаго крѣпостнаго барина-богача.

(Въ настоящее время Лысково, замѣчательное по своей хлѣбной пристани, имѣетъ около 5000 жителей, слишкомъ 1000 жилыхъ помѣщеній ¹⁾, изъ которыхъ около 150 каменныхъ и до 140 амбаровъ для склада подвозимаго изъ окрестностей хлѣба, и селѣ похоже на большой уѣздный городъ, а не на село, тѣмъ болѣе, что и всѣ власти г. Макарьева постоянно живутъ въ Лысковѣ; даже присутственныя мѣста, кромѣ полицейскаго управленія, находятся здѣсь, начиная съ мирового съѣзда, земской управы и кончая почтовой конторой. Въ Лысковѣ есть хорошая гостиница, множество постоянныхъ дворовъ, аптека и была даже гимназія, закрытая въ 1799 году. Вообще дѣло народнаго образованія въ Лысковѣ, какъ и во многихъ мѣстахъ у насъ, поднигается весьма плохо: училищъ въ Лысковѣ всего три: одно ду-

¹⁾ Лысково подвергалось не разъ пожарамъ; одинъ изъ самыхъ опустошительныхъ, отъ котораго село не можетъ оправиться до сихъ поръ, былъ 9 мая 1863 г., когда сгорѣло около 600 зданій. Вообще въ пожарномъ отношеніи Лысково терпитъ участь большинства нашихъ населеній; въ Нижегородской губерніи замѣчательно лишь село Павлово по отсутствію въ немъ пожаровъ, что объясняется тѣмъ, что въ немъ всегда чуть не все населеніе бодрствуетъ ночью: тамъ даже смѣются надъ домохозяиномъ, нѣсколько запоздавшимъ затушить вспыхнувшее пламя.

ховное, съ 8 учащими и 208 учащимися и два гражданскихъ, съ 4 учащими и 140 учащимися ¹⁾). Есть предположеніе учредить въ Лысковѣ ремесленное училище; существуютъ на то и средства, — 10000 р., завѣщанныя съ этою цѣлю покойнымъ А. С. Калининнымъ - Шушляевымъ, бывшимъ лысковскимъ крестьяниномъ — но это учрежденіе по многимъ причинамъ отложено въ дальній ящикъ.

Коренное населеніе Лыскова — крестьяне, временнообязанные графу и графинѣ Толстымъ; послѣдняя единственная дочь и наследница князя Грузинскаго. Лысково, въ административномъ отношеніи, составляетъ центръ лысковской волости, считающей въ себѣ 16 сельскихъ обществъ: лысковское, негоновское, прѣсноцовское, ляпунское, обининское, краснолужское, киреевское, лысогорское, невѣровское, кокорское, уваровское, монарское, елевское, бараниковское, бѣляинское и головковское. Собственно временнообязанныхъ крестьянъ считается въ Лысковѣ, по уставной грамотѣ, 2109 человекъ, а во всей лысковской волости 3506 человекъ: количество крестьянскаго надѣла составляетъ по Лыскову 2632 дес. 17 саж., а по всей лысковской волости 7912 дес. 332 саж. Крестьяне состоятъ на оброкѣ, платя въ годъ оброка за надѣлъ по 7 р. 89 к. (крестьяне временно-обязанные графинѣ Толстой) и по 8 р. 39 к. (крестьяне временно-обязанные графу Толстому).

Главное современное значеніе Лыскова заключается, какъ сказано, въ его хлѣбной пристани, къ которой, въ теченіи зимы, подвозится хлѣбъ не только изъ плодородныхъ мѣстностей Нижегородской губерніи, но и изъ ближайшихъ пунктовъ Симбирской, Пензенской, Тамбовской и Казанской губерній; зимою же производится и покупка хлѣба въ Лысковѣ; льняное сѣмя закупается здѣсь только осенью, вслѣдъ за окончаніемъ нижегородской ярмарки. Изъ Нижегородской губерніи къ Лыскову направляется хлѣбъ изъ пунктовъ, расположенныхъ по всему протяженію восточной части всей нагорной стороны и важнѣйшаго въ этомъ отношеніи

¹⁾ Одно изъ этихъ училищъ предполагается преобразовать съ марта мѣсяца нынѣшняго 1871 года въ образцовое двухъ-классное.

пункта—заштатнаго города Починокъ, куда первоначально стягивается пензенскій и тамбовскій хлѣбъ, предназначенный для Лыскова. Хлѣба, подвозимые къ Лыскову, суть: рожь разныхъ сортовъ (сыромолотная, овинная, рижная), овесъ, ячмень, пшеница и кромѣ того—льняное сѣмя; здѣсь хлѣба большею частію перемалываются; рожь превращается въ разные сорта муки — пеклеванную, обдирную, обыкновенную и частію въ солодъ, яровой овесъ—въ обыкновенный и обдирной, ячмень остается частію въ зернѣ, преимущественно же вырабатывается въ солодъ, пшеница и льняное сѣмя остаются безъ всякой передѣлки. Отправляются лысковскіе хлѣба главнымъ образомъ къ рыбинской пристани.

Смотря по роду обработки волжскій хлѣбъ не одинаковъ. Говоря о торговлѣ на нижегородской ярмаркѣ хлѣбомъ, г. Овсянниковъ замѣчаетъ ¹⁾, что опрятность земледѣльца, его понятія объ удобствахъ жизни, его довольство самымъ невзыскательнымъ—все это отражается и въ хлѣбной приволжской торговлѣ: инородцы Казанской и Симбирской губерній плохо подсѣваютъ свой хлѣбъ, которой за то и слыветъ у хлѣбныхъ торговцевъ подъ названіемъ „сѣраго хлѣба;“ пристани Чебоксарская, Козловка, Кріуши, Теньки, Лобышки, Тетюши, Суинскій уѣздъ — все это пристани сѣрыхъ хлѣбовъ, потому что чуваша, черемисы, мордва и другіе инородцы могутъ есть хлѣбъ пополамъ съ мякиной и оставаться довольными; напротивъ Лысково, Воротынцева, Промзино доставляютъ лучшій на Волгѣ хлѣбъ, такъ какъ въ самомъ бытѣ населенія послѣднихъ мѣстностей замѣчается известная требовательность.

Въ послѣдніе года лысковская пристань нѣсколько упала; г. Овсянниковъ, въ объясненіе этого явленія, приводитъ слѣдующія причины: 1) составленіе новыхъ правилъ относительно пользованія лысковскими амбарами для хлѣба; 2) то, что провозъ помѣщичьяго хлѣба сталъ дороже, чѣмъ въ прежнее крѣпостное время, когда помѣщикъ посылалъ въ Лысково свой хлѣбъ за 100 и 150 верстъ и ничего за эту доставку своему крестьянину не

¹⁾ „Нижегородскій Сборникъ,“ томъ I, стр. 79.

платилъ, а теперь ему приходится оплачивать ее и потому налагать расходъ по доставкѣ на цѣну товара, и 3) что во многихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, на рѣкѣ Пьянѣ, стали устраиваться винокуренные заводы, оттягивающіе къ себѣ часть шедшаго прежде къ Лыскову хлѣба. Съ своей стороны я долженъ прибавить, что изъ этихъ трехъ причинъ частью остается въ силѣ лишь вторая, такъ какъ по собраннымъ мною, на мѣстѣ, позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, первая не имѣла на измѣненіе размѣра оборотовъ лысковской пристани никакого вліянія, третья же дѣйствовала лишь временно, потому что лихорадочно открывавшіеся въ Нижегородской губерніи, лѣтъ 6—7 тому назадъ, винокуренные заводы, почти вслѣдъ за своимъ открытіемъ также лихорадочно закрывались. Самая же существенная причина сокращенія оборотовъ лысковской пристани за послѣднее время коренится въ послѣдствительныхъ неурожаяхъ на хлѣбъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя его поставляютъ въ Лысково.

Какъ-бы то нибыло, но не смотря на свое относительное паденіе, (лысковская хлѣбная пристань все таки должна считаться одною изъ крупнѣйшихъ на Волгѣ, что доказывается и свѣдѣніями, собранными казанскимъ биржевымъ комитетомъ, тщательно притомъ провѣренными. По этимъ свѣдѣніямъ, въ Лысковѣ собирается до 2,000.000 пудовъ хлѣба разнаго рода и 70,000 пудовъ льнянаго семени. Весь этотъ грузъ, скупаемый частью лысковскими, но преимущественно нижегородскими, костромскими, тверскими, мышкинскими и торжковскими (такъ называемыми „новоторами“) купцами, отправляется главнымъ образомъ, какъ сказано, въ Рыбинскъ, для Петербурга и на нижегородскую ярмарку, водою. Кромѣ того лысковскій хлѣбъ идетъ и гужемъ, къ нижегородской станціи нижегородско-московской желѣзной дороги ²⁾). Отправляемый Лысковымъ на нижегородскую ярмарку хлѣбъ воз-

²⁾ Сообщаемыя ниже данныя о лысковской хлѣбной торговлѣ основаны на статьѣ моей, напечатанной въ IV томѣ редактируемаго мной „Нижегородскаго Сборника;“ частью на корреспонденціяхъ моихъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1870 года; частью дополнены многими нигдѣ ненапечатанными свѣдѣніями, каковы напр. данныя о лысковскомъ праховомъ промыслѣ. Авторъ.

вращается назадъ въ видѣ соли и другихъ, необходимыхъ для лысковскаго торговаго района, товаровъ.

Связь Лыскова съ нижегородской ярмаркой, по хлѣбной торговлѣ, заключается еще и въ томъ, что на ярмарку ежегодно отправляются изъ Лыскова, славящагося отличной выпечкой хлѣба, пекари, рассылающіе по всей ярмаркѣ выпекаемый ими въ куреняхъ, на такъ назыв. Пескахъ, хлѣбъ. Содержателями этихъ куреней являются не только специально-пекари, но и лысковые торговцы хлѣбомъ — въ зернѣ. До какой степени высокаго качества лысковская мука, доказывается тѣмъ, что разъ испытавши ее, извѣстная московская пекарня Филиппова завела съ Лысковымъ постоянныя сношенія, чему конечно не мало способствовала постройка нижегородско-московской желѣзной дороги.

Съ лысковской хлѣбной торговлей тѣсно связанъ укоренившійся съ незапамятныхъ временъ въ Лысковѣ такъ назыв. праховой промыселъ, своего рода комиссіонерство, но комиссіонерство вредное особенно въ нравственномъ отношеніи какъ для производителей, такъ и для купцовъ и главное для потребителей.

Прахи — это мѣстное названіе, и притомъ свойственное только хлѣбной торговлѣ скушничковъ; это тѣже прасолы, маяки, кулаки, пушники другихъ мѣстностей и другихъ отраслей нашего промышленнаго быта. Число праховъ въ Лысковѣ такъ велико, что его даже нельзя опредѣлить, хотя крупныхъ праховъ въ немъ считается не болѣе десяти человекъ; за то мелкимъ — пѣсть числа! На вопросъ мѣстнаго жителя: сколько всего въ Лысковѣ праховъ, вы услышите въ отвѣтъ: „да что ни дворъ — то прахъ,“ и при этомъ видно, что и самъ отвѣчающій не прочь причислить себя къ прахамъ, такъ какъ если онъ до сегодняшняго дня почему нибудь не былъ прахомъ, значить „дѣло не подошло,“ и завтра онъ самъ можетъ имъ сдѣлаться.

Самое названіе праха производятъ отъ того, что прахъ „изъ праха деньги дѣлаетъ.“ Замѣчательно, что прахи сами себя этимъ именемъ никогда не называютъ, замѣняя его болѣе благозвучнымъ названіемъ сводчика. Слово прахъ въ Лысковѣ вообще считается обиднымъ и принадлежитъ чуть не къ числу ругательныхъ выраженій.

Смотря по сортамъ хлѣба и прахи бываютъ трехъ родовъ; одни занимаются операціями по возовому хлѣбу (скупаемому съ возовъ, на лысковскихъ базарахъ или даже при въѣздѣ воза въ лысковскую черту), другіе — по чувашскому, завалавскому ¹⁾, третій — по помѣщичьему. Прахи пускаютъ къ себѣ во дворъ продавцовъ хлѣба, принимая содержаніе возчиковъ на свой счетъ и затѣмъ сводятъ ихъ съ покупателями, получая за это съ послѣднихъ извѣстный процентъ, обыкновенно около 10 копѣекъ съ четверти всякаго рода хлѣба, изъ этихъ 10 к. праху собственно достается отъ 3 до 5 к.; остальные же идутъ на содержаніе возчиковъ. Такимъ образомъ вся лысковская хлѣбная торговля находится въ рукахъ праховъ, роль которыхъ набивать цѣну на хлѣбъ.

Покупатели видятъ удобство существованія прахового промысла въ томъ, что имѣя каждый своихъ знакомыхъ праховъ, они не заботятся о присканіи товара; производители, въ свою очередь, не имѣютъ надобности искать покупателей; всего болѣе, конечно, достается, вслѣдствіе этой праховой системы, потребителямъ, оплачивающимъ изъ своего кармана праховыя приплаты. Замѣчательно, что почти подъ бокомъ у Лыкова въ Варотынцѣ, въ Промзинѣ помину нѣтъ о прахахъ и только одна тупоумная привычка къ изстари заведенному отцами и дѣдами порядку мѣшаетъ искорененію этого промысла въ Лыковѣ, такъ какъ имъ въ концѣ концовъ все таки недовольны ни производители, ни покупатели: выгоды, доставляемыя имъ удобствомъ сбыта и покупки совершенно заслоняются тѣми невыгодами, которыя происходятъ отъ вошедшей въ пословицу недобросовѣстности праховъ; прахъ и мошенникъ въ Лыковѣ и его хлѣбномъ районѣ слова почти однозначащія; прахъ всегда наровитъ надуть и производителя, и купца, что ему почти всегда удается, и все таки и тотъ, и другой идутъ къ нему и считаютъ его своимъ пріателемъ. Стоитъ поселиться въ лыковскомъ хлѣбномъ районѣ новому помѣщику, сбывающему въ Лы-

¹⁾ Хлѣбъ, привозимой изъ за Валавы протекающей по восточной сторонѣ Лыкова называется вообще чувашскимъ, хотя бы онъ шелъ и изъ русскихъ поселеній.

сковѣ излишекъ своего хлѣба, и первымъ его дѣломъ по хлѣбной торговлѣ пріисканіе себѣ постоянного праха; въ этомъ первомъ шагѣ онъ видитъ даже доказательство своей житейской мудрости въ новой для него наукѣ “коммерціи.” Нечего и прибавлять, какими эволюціями выражаютъ прахи свою дѣятельность по отношенію къ крестьянамъ, сбывающимъ свой хлѣбъ по мелочамъ: тутъ прахъ пускаетъ въ ходъ всѣ запасы своей энергіи и держится главнымъ образомъ принципа поднаиванья. Всего искреннѣе довольны прахами помѣщичьи управляющіе, которымъ однимъ лысковскій праховой промыселъ доставляетъ прямыя и неотъемлемыя выгоды.

Кромѣ хлѣбной торговли въ Лысковѣ занимаются и производствомъ такъ назыв. игольного товара, хотя и не въ большихъ размѣрахъ. Матеріалъ для игольного товара (мѣдь, цинкъ, желѣзо) закупается на нижегородской ярмаркѣ. Товаръ этотъ состоитъ изъ наперстковъ, пуговицъ, запонокъ и колець, предназначенныхъ для употребленія въ крестьянскомъ быту, что можно видѣть изъ цѣнъ на нѣкоторые сорта его: наперстокъ дамскій (четыре сортовъ) стоитъ отъ 3 р. 50 к. до 5 р., мужской (тоже четырехъ сортовъ) отъ 6 р. до 7 р. 50 к., пуговица (пяти сортовъ:) крупная, межеумокъ, средняя, мелко-точеная и восьмерикъ) отъ 1 р. до 2 р., серьги (нѣсколькихъ сортовъ: серьги змѣйке, серьги польки) отъ 2 р. до 8 р.; перстни (напр. супирь перстень) до 10 р. за тысячу, и т. д. Годовое производство игольного товара опредѣляется приблизительно до 25,000 р. Главная продажа его бываетъ одинъ разъ въ году на нижегородской ярмаркѣ; нераспроданную его часть везутъ обратно въ Лысково, на маровскую ярмарку, и если подойдут условія сбываютъ тубанаевскимъ юфтяникамъ ¹⁾. Скупщики начинаютъ собирать игольный товаръ въ Лысковѣ съ января мѣсяца. Черезъ Лысково идетъ игольный товаръ и изъ сосѣдняго села Мурашкина.

¹⁾ Село Тубанаевка съ своими сосѣдями Спасскимъ, Турбанкой и Ваграсомъ, Васильскаго уѣзда Нижегородской губерніи, замѣчательно своимъ кожевеннымъ производствомъ.

Упомянувъ о маровской ярмаркѣ, считаю не лишнимъ сказать здѣсь о ней нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что она, происходя (съ 10 по 15 сентября) въ селѣ Чернухѣ, отстоящемъ отъ Лыскова всего въ 7-ми верстахъ, тѣсно связана съ лысковскимъ торговымъ бытомъ.

Маровской На Марахъ называется ярмарка въ Чернухѣ по прежнему своему существованію еще съ XVII ст. въ мѣстечкѣ Марахъ, Васильскаго уѣзда, Нижегородской губерніи; въ концѣ царствованія Екатерины II бывший нижегородскій губернаторъ съ 1784 по 1796 годъ, Бѣлавинъ, къ кототому была очень расположена императрица, за его участіе въ переворотѣ 28 іюня 1762 года, выпросилъ переволь этой уже значительной тогда ярмарки въ свое имѣніе, село Чернуху ¹⁾, и теперь принадлежащемъ гг. Бѣлавинымъ.

Главными, характеризующими маровскую ярмарку предметами торговли слѣдуетъ назвать: крупный рогатый скоть, воскъ, медь, пухъ, перо, тряпку и хмѣль; эти товары играютъ на ней такую же роль, какъ бумажный товаръ, желѣзо, чай, хлопокъ и т. п. на нижегородской ярмаркѣ: за рогатымъ скотомъ и названными выше товарами, идутъ спасскіе и мурашкинскіе кожевенные и мѣховые товары, панской товаръ (преимущественно изъ лысковскихъ рукъ, съ нижегородской ярмарки, и частью изъ Арзамаса), предмета крестьянской одежды и обуви, ценной товаръ, желѣзныя издѣлія Нижегородской и Ярославской губерній и т. п. Обороты маровской ярмарки замѣтно растутъ, если взять въ расчетъ довольно продолжительный періодъ времени: по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ г. Мельниковымъ въ „Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1845 годъ, на всѣ существовавшія тогда въ Нижегородской губерніи ярмарки (кромѣ нижегородской конечно) привозилось товаровъ тысячъ на 200, продавалось слишкомъ на 100,000 р.; по официальнымъ же свѣдѣніемъ за 1869 годъ, на одну маровскую ярмарку привезено было товаровъ на 290,000 р., продано на 200,000 р. Если, за неимѣніемъ подъ рукою

¹⁾ Последнее обстоятельство извѣстно мнѣ изъ моей частной переписки съ П. И. Мельниковымъ.

достаточно вѣскихъ данныхъ для сужденія, на сколько увеличеніе оборотовъ маровской ярмарки зависитъ отъ развитія нашей экономической жизни вообще, нужно удержаться отъ этого, то можно смѣло сказать, что на ростъ ея оборотовъ не имѣли ровно никакого вліянія наши большіе, проселочные, торговые и т. п. пути сообщенія: Лысково, Мурашкино и село Спасское, отъ которыхъ маровская ярмарка находится въ прямой, непосредственной зависимости (въ томъ, что не касается торговли рогатыми скотомъ), не приблизилось къ Чернухѣ ни на шагъ. Стоять поѣздить по нашимъ дорогамъ, особенно осенью, чтобы придти въ самое тягостное изумленіе на счетъ удивительной выносливости человѣка и лошади. Осенью прошлаго года, когда мнѣ случилось, на обратномъ пути съ маровской ярмарки, спускаться по горѣ къ Исадамъ—пароходной пристани лысковской, я припоминалъ нѣкоторыя изъ своихъ путевыхъ впечатлѣній отъ горныхъ тропинокъ у Эльбруса, и не находилъ большой разницы между Кавказомъ и Нижегородской губерніей. Въ довершеніе сходства совпадали даже названія: я спускался по Лысой горѣ, а извѣстно, что не доѣзжая Эльбруса, верстахъ въ 80—90 къ сѣверу отъ него, стоитъ также Лысая гора.... *) Береговая дорога отъ Исады до Лыскова также ужасна до невообразимаго, а между тѣмъ по ней безпрестанно производится товарное движеніе; стоять посмотрѣть, съ какими изумительными усиліями перевозятся по этой дорогѣ, навр. разгружаемые съ Волги жернова къ Лыскову, на такъ назыв. „Гуляй“, чтобы понять, чего-чего только не терпитъ наша промышленность, и припоминая то положеніе, въ которомъ сдано было хозяйство нашимъ земскимъ учрежденіямъ, невозможно винить послѣднія за первобытное, почти, состояніе дорогъ.

Главной статьи торговли на Ларовской ярмаркѣ—крупнаго рогатаго скота—пригоняется на нее ежегодно тысячъ 5 головъ, по цѣнамъ отъ 40 до 60 р., за голову, такъ что всю сдѣлку

---

*) Название горъ—Лысыми, такъ обыкновенно у насъ въ Россіи, что трудно найти скольконибудь гористую мѣстность, гдѣ бы хотя одна гора и даже пригорокъ не назывались—Лысами.—Мы встрѣчали десятки горъ этого названія.

съ торговлей скотомъ можно полагать слишкомъ за 250,000 р.; эта цифра, полученная мною путемъ частныхъ разспросовъ отъ самихъ гуртовщиковъ, преимущественно лысковцевъ, въ сотый разъ подтверждаетъ извѣстное мнѣніе, что на официальные свѣдѣнія по торговой и промышленной статистикѣ слѣдуетъ всегда смотрѣть, какъ на самый крайній, уменьшенный почти до невозможности, минимумъ,—это единственное достоинство, которое можно за ними признать, и достоинство очень важное, такъ какъ минимумъ для статистики очень много значить. Всего привозится, по официальнымъ свѣдѣніямъ, на маровскую ярмарку всѣхъ товаровъ тысячъ на 300 р., тогда какъ въ дѣйствительности одного скота пригоняется на 250,000 р., а панскихъ товаровъ, одной изъ третьестепенныхъ отраслей маровской торговли, привозится тысячъ на 50 р. Скупаемый на маровской ярмаркѣ скотъ идетъ въ Москву и Петербургъ, въ числѣ тѣхъ громаднѣхъ партій его, которыя направляются туда круглый годъ, поступаая въ Нижнемъ Новгородѣ въ вагоны желѣзной дороги. Спасскія кожи и скопляющіеся въ Спасскомъ предметы производительности спасской округи, привозятся на маровскую ярмарку, большею частью, лишь въ видѣ образцовъ, какъ кантонскій чай на нижегородскую ярмарку и потому трудно уловить оборотъ ими, устанавливаемый спросомъ.

Вообще на маровской ярмаркѣ замѣтно лежитъ отпечатокъ нижегородской, на которую она даже внѣшнимъ образомъ похожа: вмѣсто главнаго дома стоитъ на маровской ярмаркѣ гостинница и строеніе съ каланчей, въ которомъ помѣщается контора Гг. Вѣлавиныхъ, представителей крупнаго землевладѣн्या въ Черкухѣ (контора собираетъ съ ярмарки до 3600 р., наемная плата за лавки, колеблется между 1 р. и 15 р.; гостинница арендуется за 150 р.), пожарные инструменты и становой приставъ. Противъ этихъ построекъ помѣщается каменный гостинный дворъ (около 8-ми корпусовъ), окруженный деревянными рядами; даже названія рядовъ и корпусовъ напоминаютъ нижегородскую ярмарку: спасскій, мурашкинскій, панской, шляпной, валеночный и т. д.

Очеркъ села Лыскова страдалъ бы нѣкоторой неполнотою, если бы не сказать въ немъ ничего о близкомъ сосѣдѣ Лыскова, свя-

занномъ съ нимъ нѣсколько столѣтій узами постоянной самой искренней вражды, городъ Макарьевъ. Вражда эта непритворно высказывается въ зависти макарьевскихъ жителей къ богатымъ лысковцамъ и въ высокомѣрномъ взглядѣ послѣднихъ на макарьевскихъ горожанъ, которые даже своихъ базаровъ не имѣютъ, которые у себя не только говядины, но и печенаго хлѣба купить не могутъ,—за всёмъ должны обращаться къ помощи Лыскова. И тѣмъ болѣе это обидно горожанамъ, что еще старики ихъ хорошо помнятъ то время, когда сладко жилось Макарьеву, бокъ-о-бокъ съ знаменитой макарьевской ярмаркой ¹⁾ и когда лысковцы въ свою очередь имъ завидовали, хотя отъ ярмарки и на ихъ долю перепадали лакомые куски.

Несмотря однако на свою неприглядную бѣдность или лучше сказать именно вслѣдствіе своей бѣдности, сидящей на голомъ пескѣ Макарьевъ имѣетъ и свои промыслы: дѣятельный, предприимчивый и промышленный духъ Поволжья положилъ свою сильную печать и на жителей города Макарьева, приносящихъ и свою долю труда на нижегородскую ярмарку въ видѣ сундуковъ.

Макарьевскіе сундуки выдѣлываются преимущественно изъ елового и ольхового (или какъ называютъ послѣдніе сами промышленники—елоховаго) дерева, которое рубится на Керженцѣ, сплавляется по нему на Волгу, къ Макарьеву, и здѣсь покупается главными промышленниками (ихъ всего въ Макарьевѣ человекъ 8); они его пилятъ, рядятъ рабочихъ изъ жителей города и посылаютъ выдѣланные сундуки на нижегородскую ярмарку. Собственно мастерскихъ для дѣланія сундуковъ въ Макарьевѣ нѣтъ: хозяева сдаютъ доски рабочимъ на руки; работа производится на дому, по штучно и по сортамъ сундуковъ; низшая плата рабочимъ—12 к., высшая—1 р. 20^{к.} за штуку; послѣдняя—за такъ назыв. шестерью, т. е. за пять сундуковъ, вкладывающихся одинъ въ другой и всѣ пять—въ шестой. Этотъ сортъ преимущественно покупается на ярмаркѣ персіянами. Армяне покупаютъ всѣ сорта сундуковъ, кромѣ шестерокъ (конечно не

¹⁾ Ярмарка въ Макарьевѣ сгорѣла въ 1816 году и перенесена въ Нижній-Новгородъ въ 1817 году.

безъ исключеній) и везуть въ нихъ другой какой нибудь куплен-
ный ими на ярмаркѣ товаръ въ Астрахань, Кутаисъ, Тифлисъ
и до мѣста. Вообще въ партіонныхъ сдѣлкахъ съ сундуками на
ярмаркѣ большую роль играетъ азіатская торговля: огромное
количество сибирскихъ, устюжскихъ, макарьевскихъ и павлов-
скихъ (изъ села Павлова Нижегородской губерніи) сундуковъ
идеть въ Бухару.

Въ Макарьевѣ ежегодно выдѣлывается сундуковъ, всѣхъ четы-
рехъ сортовъ, около 7400 штукъ, т. е. шестерокъ—до 1000
(собственно значить 6000 штукъ), пятичетвертныхъ—до
5000, семичетвертныхъ—до 1000 и двухъ-аршин-
ныхъ—до 400 штукъ; цѣна первымъ—отъ 5 до 6 р., за
шестерку, вторымъ—отъ 1 р. 40 к. до 1 р. 60 к., третьимъ—
отъ 3 р. до 4 р. и четвертымъ—отъ 8 р. до 10 р. за штуку.

А. Гацискій,

Секретарь Нижегородскаго губернскаго статисти-
ческаго комитета, членъ-сотрудникъ Импе-
раторскаго Русскаго Географическаго Общества.